

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

*Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, Луганск
Кандидат философских наук, доцент**Taras Shevchnko National University, Lugansk
Associate Professor, PhD in Philosophy
darenskiy1972@mail.ru***БИОГРАФИЯ КАК ФИЛОСОФСКИЙ ЖАНР: ПОЭТИКА МИКРОКОСМА**

Автор анализирует биографию как литературную форму философствования, в которой происходит синтез теоретического, художественного и исторического мышления. Цель философской биографии определяется как концентрированная передача целостного культурного опыта в его личностной форме. Этот жанр реализует персонологический метод, суть которого состоит в рассмотрении различных сфер традиционной философской рефлексии через «призму» личности конкретного человека. Концептуализация бытия здесь выстраивается не по модели макрокосма, а по модели микрокосма. Теоретическим концептом такой модели является не универсалия, а «уникалия» – особый способ концептуализации личностного видения мира. Экзистенциальное воздействие философской биографии на читателя в целом соответствует культурной модели «инициации» – «второго рождения», то есть является мощным стимулом трансформации его внутреннего мира, развития смыслового горизонта и нравственных качеств личности.

Ключевые слова: философия, биография, личность, опыт, «уникалия», рефлексия, жанр.

BIOGRAPHY AS A LITERARY FORM OF PHILOSOPHIZING

The author analyzes the biography as a literary form of philosophizing in which there is a synthesis of theoretical, artistic and historical thinking. The purpose of philosophical biography is defined as a concentrated transfer of integral cultural experience in its personal form. This genre sells the "personological" method, the essence of which consists in the consideration of various fields of traditional philosophical reflection through the "prism" of the personality of a particular person. Conceptualization of life is not built here on the model of the macrocosm, and the microcosm model. The theoretical concept of this model is not universal, and "uniquelies" – a particular way of conceptualizing a personal vision of the world. The existential impact of philosophical biography on the reader is in general conformity with the cultural model of "initiation" – the "second birth", that is a powerful incentive transformation of his inner world, development life horizon and moral qualities of the person.

Key words: philosophy, biography, personality, experience "uniquelies", reflection, genre.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

Стефан Цвейг, всемирно известный писатель, еще не вполне оцененный как мыслитель экзистенциалистского типа¹, в качестве эпиграфа к одной из своих биографий из цикла «Строители человечества» взял строчку из стихотворения А. Поупа: «The proper study of mankind is man», что в наших изданиях переведено как «Отдельный человек – сжатый этюд всего человечества»². Однако в более буквальном и смысловом переводе этот поэтический афоризм – это утверждение о том, что для подлинного понимания человечества нужно изучать конкретно взятого отдельного человека. Тем самым, это не романтическая метафора, а свернутое умозаключение, и это не удивительно, поскольку А. Поуп принадлежит эпохе высокого классицизма и мыслит строго рационалистично даже в рамках поэтической строки. В свою очередь, С. Цвейг разворачивает этот афоризм в концепцию, которую можно назвать «метафизикой биографии». В основе этой концепции лежит ясное понимание значимости отдельной личности как живого «органа» культуры и человеческого сообщества – не в книгах и текстах, а в живом человеке воплощены высшие ценности и «идеальные модели» жизни и культуры. И биография – это самый прямой путь к их пониманию и «расшифровке».

В частности, С. Цвейг пишет о том, что в ряду изображений «Строителей мира» он «пытается пояснить творческие устремления духа самыми яркими типами, а типы, в свою очередь, образами... В “Борьбе с демоном” показаны Гёльдерлин, Клейст и Ницше как три различных воплощения гонимой демоном трагической душевной природы, переступающей в борьбе с беспредельным границы, положенные как ей самой, так и реальному ми-

ру. “Три мастера” показывают Бальзака, Диккенса и Достоевского как типы мировых эпических изобразителей, создавших в космосе своих романов вторую действительность наряду с существующей. Путь “Трех певцов своей жизни” ведет не в беспредельный мир, как у первых, и не в реальный, как у вторых, а обратно – к собственному “я”³. Как видим, хотя исследование ведется художественными средствами, однако его конечная цель в данной формулировке самого С. Цвейга – сугубо философская. И этот пример является далеко не единственным. Создателем особого жанра *биографии не как простого жизнеописания, но как философского исследования личности*, по-видимому, является Р. У. Эмерсон, создавший такой тип биографического жанра в своей книге «Представители человечества» (1850) – доработанном курсе лекций, прочитанном им в Англии. Для Р. У. Эмерсона был актуален обобщающий взгляд на всю европейскую культуру «со стороны», под углом зрения молодой культуры, которой было необходимо обобщить весь опыт предшествующей культуры в *концентрированных личностных образцах*.

Аналогичным явлением того времени является и знаменитая книга Т. Карлейля «Герои, культ героев и героическое в истории» (1841), также родившаяся из публичного курса лекций. Такое «лекционное» и публичное рождение философской биографии не случайно, но оно четко соответствует смыслу и главной задаче этого жанра – побуждению исторического и нравственного сознания людей на основе ярких личностных образцов. Если воспользоваться концепцией М. К. Петрова⁴ о трех исторических типах социокодов «тезауруса» культуры – лично-именном (архаическое общество), профессионально-именном (традиционное общество) и универсально-понятийном (современное) – то появление философской биографии есть не что

¹ Впрочем, М. Горький отмечал еще в 1926 году: «Цвейг – замечательный художник и очень талантливый мыслитель» / Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 29. М.: ГИХЛ, 1955. С. 487.

² Цвейг С. Три певца своей жизни (Казанова, Стендаль, Толстой). Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 5.

³ Там же.

⁴ Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 400–401.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

иное как возрождение лично-именного социокода в эпоху Модерна.

Чем вызван этот феномен? Очевидно, он является прямым ответом на отчуждение философии от повседневности, ее профессионализацию в рамках универсально-понятийного социокода – одновременно с ростом социальной потребности в философском просвещении секуляризованного общества, теряющего свои смысложизненные опоры. При этом философствование в виде истолкования выдающихся личностей вовсе не являлось лишь «популярной» литературой, но обе названные книги были выдающимися достижениями философской мысли и стали ее классикой. Если для Р. У. Эмерсона этот жанр стал формой восприятия старой культуры ее молодой американской ветвью, то у Т. Карлейля новый жанр явился средством «омоложения» самой старой культуры «изнутри» путем ее возвращения к своим героическим истокам. Но в обоих случаях вторжение архаического лично-именного социокода – «кода» личностных образцов мысли и жизни в целом – в современную культуру отвечает одной и той же ее потребности в самообновлении.

Если определить общий принцип этого жанра, то его можно обозначить как *персонологический метод*, суть которого состоит в своего рода инверсии – рассмотрении различных сфер традиционной философской рефлексии через «призму» личности конкретного человека, его творческого мира. Здесь не личность анализируется посредством применения к ней уже устоявшихся общемировоззренческих, психологических, религиозных, политических и историософских понятий, а наоборот, сами эти понятия переосмысляются в контексте специфики личностного опыта данного человека.

Исходя из этого рабочего определения, целью данной статьи является анализ основных определений жанра философской биографии (биографии как формы философствования) и ее поэтики, исходя как из опыта существующих образцов этого жанра, так из определенного понимания природы и

целей самой философии. В общем смысле, наше понимание этой природы и целей состоит в понимании философии как особой интеллектуальной практики, направленной на формирование, созидание и трансформацию личностного бытия, т. е. как на разновидность «духовного упражнения» (П. Адо).

В первую очередь следует определить содержание и объем понятия «философская биография». Этот вопрос уже рассматривался в новейших публикациях. Например, как пишет И. А. Полякова, «главная особенность философской биографии – это концептуально оформленное и обоснованное понимание другой жизни. Это не обязательно биография философа, хотя и философ может быть ее персонажем. Ее героем может стать любой человек, чье мышление, будь оно выражено в поэзии, музыке, живописи, беллетристике или в философских сочинениях, является значительным и интересным для понимания <...> Результат может получиться совершенно неожиданным – новый образ давно и хорошо известного нам поэта, философа, ученого, который обычно остается незавершенным, вовлекая своей открытостью в философствование и читателя биографии. Однако при данном подходе существует серьезная опасность растворить биографическую составляющую, целое жизни героя в мировоззренческой позиции автора биографии»⁵.

В этой достаточно содержательной характеристике, тем не менее, весьма размыты границы жанра, поэтому это определение требует уточнения. Да, философская биография – это не обязательно биография философа, это биография любого человека, но *написанная философом*. Однако для такой биографии философ должен быть еще и писателем, и историком. Иногда же писатель или историк становится философом, как это имело ме-

⁵ Полякова И.А. Философия как образ жизни: о некоторых проблемах философской биографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов: «Грамота», 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 149–150.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

сто в случаях Р. У. Эмерсона и Т. Карлейля. Кроме того, философия в этом жанре должна возвращаться от своей специальной терминологии к естественному языку, из которого она в свое время и вышла. Часто при этом переходя в устное слово – лекционное и ораторское – как в указанных случаях. Когда же предметом философской биографии становится философ, то здесь возникает особая ситуация – философ должен предстать как живой человек, а не просто автор и мыслитель – и тем самым продемонстрировать жизненные истоки своего учения. В этом случае требуется мастерство «дешифровки» контекста идей.

В коллективной монографии «Многообразие жанров философского дискурса» (2001) биография философа и тем более биография вообще в качестве жанровой формы философского творчества ее авторами не выделена. Но ведущим автором этой книги В. И. Плотниковым было сформулировано принципиально важное теоретико-методологическое положение, в котором, по сути, уже содержится основание для выделения биографии в особый философский жанр. По его определению, философия «вынуждена каждый раз строить и перестраивать заново (иначе с концептами работать невозможно), и в будущем, моделируя Жизненные миры индивидов, ей придется делать то же самое. Но работать философу придется уже с новым инструментарием – с так называемыми *уникалиями*. Само по себе понятие «уникалия» философии известно давно, но в последнее время использовалось оно крайне редко и притом исключительно в гносеологическом плане. В настоящее время на первый план выходит потребность в онтологической и аксиологической интерпретации этого термина. Феномен человеческой индивидуальности должен быть осмыслен не только с точки зрения неповторимости ее жизненного пути, но и в качестве составной части целостного мира исторически развивающейся духовной культуры <...> Жизненный мир индивида может быть представлен только путем осознания культурного смысла всей

совокупности общечеловеческих реалий <...> в их отношении к индивидуальному бытию человека»⁶.

Данная концепция В. И. Плотникова имеет большое эвристический потенциал не только для анализа специфики жанра философской биографии, но и для понимания современных трансформаций самого философского познания. «Уникалии» – это реконструкции личностного видения мира с помощью образно-языковых и теоретических средств. Жизненные миры личностей строятся в биографии как драматические сюжеты, в максимальной степени актуализирующие ответную личностную рефлексию читателя.

«Уникалии» так же, как и другие типы концептуальных обобщений, создаются путем абстракции особого типа. Принцип такого абстрагирования от изначальной массы эмпирических данных при создании биографии хорошо сформулирован А. А. Холиковым: «критерий полноты воспроизведенных фактов научной биографии творческой личности уступает место критерию целостности воссозданного, а точнее говоря, вновь созданного образа <...> человек развивается не линейно. Линейность приходит в результате осознания всего пройденного творческой личностью пути. Биограф вынужденно упрощает предмет своего исследования, привносит в жизненный путь упорядоченность, логичность. Реконструируя личность... ученый не столько воспроизводит, сколько трансформирует ее, значительно при этом редуцируя <...> Иначе говоря, биография творческой личности, в отличие от ее жизни, должна быть линейна и упорядочена»⁷. В случае философской биографии этот принцип еще более радикализируется, поскольку ее сверхзадача – это *явить через образ отдельной личности целостное миропонимание, развернуть*

⁶ Плотников В. И. Жанр как способ не-сокрытого бытия философии и проблема смысла индивидуальной жизни // Многообразие жанров философского дискурса: Коллектив. монография / Ред. В. И. Плотников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 240.

⁷ Холиков А. А. Биография писателя как жанр: Уч. пос. М.: «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 85.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

уникальный по своей событийности, но универсальный по смысловому содержанию «образ мира, в слове явленный». Концептуализация бытия здесь выстраивается не по модели макрокосма, а по модели микрокосма.

Сущность биографии парадоксальна: поведствуя о личности, она может это сделать, только говоря об эпохе этого человека, иначе его жизненные события сведутся лишь к формальностям (родился – что-то сделал – умер), а с другой стороны – говоря об эпохе, биография не может отразить ее иначе, чем формах индивидуальной жизни своего персонажа, а также других людей, с которыми он был связан. Этим определяется и сам нарративный принцип биографии, который состоит в том, что «биографический материал не только и не столько репрезентирует фактографию жизни информанта, сколько отражает структуру его доминирующих ценностей, с одной стороны, с другой – при сопоставлении с социетальной фактографией, свидетельствует о мере его ангажированности, включенности в жизнь общества»⁸.

Эта изначальная парадоксальность биографии приводит к тому, что ее изучение методологически «расщепляется» на два типа подходов, которые могут выглядеть как прямо противоположные. С одной стороны, как отмечает Е. Ю. Рождественская, «чтобы понять биографию как социальную систему, необходимы исследовательские стратегии, которые позволят обнаружить невидимую динамику влияющих социальных структур и процессов»⁹. Тем самым, этот подход «открывает иной когнитивный стиль исследования – *деперформатизацию биографии*, т. е. деконструкцию обжитой нарративной формы биографического перформанса»¹⁰. В рамках этого подхода М. Сондерс, предлагая новую интерпретацию понятия

«жизне-описание» (Self-Impression), обосновывает тезис: «Жизне-описание фундаментально интертекстуально»¹¹. Этот же принцип относится к описаниям биографии «со стороны» (и тем более, к их философской рефлексии), которые изначально опираются не на монологическое самовоспоминание, а на массив разнородных источников.

Характерно, что принцип интертекстуальности уже явно лежал в основе самых первых в истории философских биографий Диоген Лаэртского. Как писал А. Ф. Лосев, «вообще же вовсе не в историко-философском анализе заключается ценность трактата Диогена Лаэртского. Его трактат – это любопытнейшая и интереснейшая античная смесь всего важного и неважного, первостепенного и второстепенного, всего серьезного и забавного. Во всяком случае современный читатель Диогена Лаэртского после прочтения его трактата несомненно окунется в безбрежное море античной мысли и некоторое время “подышит воздухом” подлинной античной цивилизации»¹². Действительно, при всей своей внешней «простодушности», книга Диогена Лаэртского похожа по своей сложной нарративности на вполне постмодернистский текст. В ней нет нарочитой рефлексии – ее рефлексивность спрятана «между строк».

С другой стороны, по определению В. Фука-Хайнрица, основой биографического метода всегда «является реконструкция образов, которые опрашиваемый имеет о себе и о полях своего жизненного мира. В результате образ опрашиваемого о себе и своем жизненном мире может быть представлен как “ядро-высказывание”, сформулирован по возможности близко языку протокола ин-

⁸ Божков О. Б. Биографии и генеалогии: ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. № 1. С. 79.

⁹ Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. С. 92.

¹⁰ Там же. С. 90.

¹¹ Saunders Max. Self-Impression: Life-Writing, Autobiography and the Forms of Modern Literature. Oxford, 2010. P. 5.

¹² Лосев А. Ф. Диоген Лаэртский и его метод // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 54.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

тервью»¹³. Таково и внешнее социально-нормативное требование к биографическому описанию. Как справедливо отмечает М. Рустин, здесь всегда требуется конструирование «аутентичной» идентификации, исходя из многочисленных образцов идентичности, которые предоставляет общество¹⁴.

Эти два принципа построения биографии – через само-идентичность и через «иное» – взаимодополнительны и являются мощным средством развития личности путем усвоения нового культурного содержания и на этой основе – самоусложнения и саморефлексии. Этим определяется развивающая и воспитательная функция биографии как жанра. С. В. Яковлева в статье «Биография как педагогический феномен» определяет «образовательную» функцию биографии как «приобретение знаний о человеческой жизни, ее институированных и субъективно обозначаемых этапах и событиях. Знакомясь с биографиями других людей, воспитанник получает возможность увидеть развитие в динамике, компенсировать недостающие знания, осознать направление своей жизни, ее важнейшие темы и конструировать свою биографию. Происходит становление “категориального проекта бытия” (Г. Ноль), который отражает отношение человека к отдельным событиям прошлого и настоящего и способствует реализации его стремления к самоосуществлению»¹⁵. Это общекультурное значение жанра биографии как способа социализации и саморазвития уже привело к формированию особой

комплексной сферы исследований – «биографистики»¹⁶.

Первой биографией в истории иногда называют «Житие Франциска Ассизского», написанное в XIII век Дж. Бонавентурой, поскольку этот текст в отличие от канонических житий святых и от жизнеописаний Плутарха был первой «попыткой воспроизвести динамическую историю индивидуального духа, прошедшего через последовательные стадии становления»¹⁷. Однако не трудно показать, что такое противопоставление не имеет никаких оснований. Суть канонических житий святых как раз и состоит в изложении крайне напряженной и драматической истории становления «индивидуального духа», и конечное состояние святости в них не является ни главным предметом изображения, ни чем-то «статичным». Дж. Бонавентура к этому добавил лишь выход за рамки канона в сторону не житийных, а «житейских» деталей.

Отличие биографии от жития в первую очередь в том, что она является чисто светским сочинением и не претендует на статус морального и канонического образца (хотя бывают случаи написания биографий святых, канонизированных Церковью – но в этих биографиях описывается не их путь к святости, и их светская деятельность). Что же касается жизнеописаний Плутарха, то они интересны и важны для понимания истоков биографии именно как *философского жанра*. С.С. Аверинцев, исследуя поэтику биографий, написанных Плутархом, показал их производность от античной философской традиции: эта «идущая от греческой традиции непринужденных и неторопливых философских бесед <...> композиция и словесная ткань плутарховских биографий основана прежде всего на принципе свободного ассоциатив-

17

¹³ Фукс-Хайнриц В. Биографический метод // Биографический метод: история, методология, практика. М.: ИС РАН, 1994. С. 31.

¹⁴ Рустин М. Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 7.

¹⁵ Яковлева С.В. Биография как педагогический феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 76-2. С. 289.

¹⁶ См.: Голубович И. В. Основы теоретической биографистики. Уч. пос. Одесса: Изд. ОНУ им. И. Мечникова, 2011.

¹⁷ Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 19.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

ного сцепления тематических разделов; между тем этот принцип искони был достоянием диатрибы (и тем более диалога). В основе стиля Плутарха лежит интонация доверительной и раскованной беседы автора с читателем. Ключевым моментом, гарантирующим внутреннее единство каждой из биографий и всего сборника в целом, вопреки их стилистической пестроте, является неумолимо поддерживаемая иллюзия живого голоса, зримого жеста и как бы непосредственного присутствия рассказчика»¹⁸. Тем самым, исторический и одновременно экзистенциальный исток философской биографии – это диалог как «глубинное общение» (Г. Батищев).

Известный историк философии Э. Ю. Соловьев в статье о специфике философской биографии сформулировал главную цель и экзистенциальную ценность биографического «глубинного общения» следующим образом:

«Мы сталкиваемся в нем со свободой и решительностью суждений, которые сплошь и рядом значительно превосходят наши собственные. Это имеет два любопытных следствия: во-первых, углубляется наше актуальное самосознание (мы становимся гораздо более современными людьми, чем были до обращения к прошлому); во-вторых, в отдаленных подобию социальных и политических режимов (подобию, пригодных лишь для аллегорической литературной игры) неожиданно проступают реальные и глубокие изоморфизмы. Они относятся не к условиям нашего существования как материально заинтересованных индивидов, принадлежащих к совершенно конкретным (и даже исторически уникальным) социально-экономическим группам, а к ситуации нашего личностного бытия»¹⁹. Главный парадокс здесь состоит в том, что «мы становимся гораздо более современными людьми» только в соотнесенности с

культурной традицией в ее личностных образцах. Источником нашего личностного роста становится не сама биография как простая совокупность событий, но именно эта «свобода и решительность суждений» ее персонажа в условиях, типологически схожих с нашими.

Стоит обратиться и к той базовой типологии биографий, которую сформулировал М. Л. Гаспаров на примере известной книги Светония «Жизнь двенадцати цезарей». Он отмечает следующее: «Тацит хотел устрашить читателя, показав ему роковую неизбежность, вырождения императорского Рима; Плутарх хотел утешить читателя, предложив ему нравственные образцы, которых следовало держаться и которых следовало избегать. Оба стремились заглянуть в душу своим героям и выявить за индивидуальными особенностями общечеловеческие свойства, одинаково присущие прошлому, настоящему и будущему. Для них история продолжает жить в современности <...> Светонию это чувство неизвестно. Современность для него уже пришла к решению всех вопросов, волновавших прошлое, истина достигнута <...> он смотрит лишь на внешнюю сторону событий, ищет в них черты как можно более индивидуальные, неповторимые, необычные, яркие; своеобразие в мелочах интереснее для него, чем сходство в целом; иначе говоря, он стремится не к поучительности, а к *занимательности*»²⁰.

Выделенные здесь три типа биографического повествования можно рассматривать как три инвариантные модели, которые затем будут в разных формах воспроизводиться в культуре: 1) биография-анализ; 2) биография-образец и 3) биография-созерцание. Все три типа воздействуют на личность читателя через сопереживание и рефлекссию, но по-разному: первая учит, вторая наставляет, третья увлекает. В философской биографии,

¹⁸ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография (К вопросу о месте классика жанра в истории жанра). М.: Наука, 1973. С. 250.

¹⁹ Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 14.

²⁰ Гаспаров М. Л. Светоний и его книга // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Худ. лит., 1990. С. 229–230.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

очевидно, должна преобладать Тацитова модель, но две другие ее дополняют.

Во всех трех моделях есть нечто общее. Э. Ю. Соловьев писал о самой главной сути философской биографии как жанра: «Проблема – вот то реальное опосредующее звено, которое соединяет жизнь и мышление, личность и систему. Чтобы его выявить, исследователю приходится выходить далеко за пределы “готовых”, законченных продуктов мыслительной работы... Уяснение себе своей собственной проблемы – ключевой момент в жизни мыслителя. После этого он ощущает себя как обретшего призвание и обязанного отдать ему все свои силы»²¹. Но это определение касается не только мыслителя, но и любого типа биографического персонажа. В его поступках и событиях жизни, максимально используя скрытые от внешнего взгляда источники, биограф рефлексивно выстраивает последовательность: жизненная проблема – задача – призвание – поступки и достижения – образец для последующих поколений. Тем самым, биография основана на «философии поступка» как разрешения ключевого личностного противоречия. Это главное жизненное усилие и достижение создает «микрокосм» личности.

Такое понимание сущности биографии мы видим и у основателей жанра. Р. Эмерсон писал: «Много ли есть в наш век личностей великих, доблестных? Нет, нет между нами ни мужчин, ни женщин, способных дохнуть обновлением на нашу жизнь, на наш общественный быт! Нервы и сердце человека высохли, и все мы стали робкими, оторопевшими плаксами. Мы боимся правды, боимся счастья, смерти, боимся один другого. Большая часть людей нам современных оказываются до того несостоятельными, что они не в состоянии удовлетворять своим собственным потребностям; их самолюбивые притязания стоят в разительной противоположности с их действительным могуществом,

²¹ Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 22–23.

которое со дня на день хилеет и оскудевает»²². Соответственно, задача биографии – *компенсаторная*: она должна нам дать те личностные образцы жизни, которых уже почти не осталось среди наших современников.

Т. Карлейль уже эксплицитно формулирует эту задачу, акцентируя в ней аспект личностного роста: «Даже при самом поверхностном отношении к великому человеку мы все-таки кое-что выигрываем от соприкосновения с ним. Он – источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благотворно и приятно. Это – свет, озаряющий мир, освещающий тьму мира. Это – не просто возожженный светильник, а скорее природное светило, сияющее, как дар неба; источник природной, оригинальной прозорливости, мужества и героического благородства, распространяющий всюду свои лучи, в сиянии которых всякая душа чувствует себя хорошо»²³.

Р. Эмерсон также пишет о том, что понимание ценности биографии как способа познания жизни и личностного образца не дано нам изначально, но приходит только вместе с мудростью: «годы большого умудрения обращают нас к покинутым воспоминаниям прошедшего; из этого волшебного озера вылавливаем мы то ту, то другую драгоценность и доходим до убеждения, что даже биография этого вертопраха есть только сокращенное истолкование сотни томов всемирной истории»²⁴. Последние слова особенно замечательны своей радикальностью – и они не покажутся преувеличением и всего лишь метафорой только в том случае, если «биография этого вертопраха» будет понята в ее сущности и глубине как микрокосм общечеловеческой судьбы.

Способность увидеть конкретную человеческую судьбу в ее последней глубине, пишет он,

²² Эмерсон Р. Нравственная философия. М.: АСТ, 2001. С. 7.

²³ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. С. 7–8.

²⁴ Эмерсон Р. Нравственная философия. М.: АСТ, 2001. С. 29–30.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

еще более заостряя свою мысль, «дойдет до удостоверения, что жизнь каждого человека могла бы сделаться *священной историей*, точно так, как время усматривается в минуте, вселенная в атоме»²⁵.

Этот «эффект целого» – действие произведения в целом на реципиента как целостную личность, а не просто «читателя» – традиционно обозначается понятием катарсиса. Но катарсис как особое сложное переживание, «сжигающее» негативные чувства и сублимирующее позитивные, – может быть двунаправленным по своему действию. «Нормальной» и наиболее распространенной формой катарсиса является возвращение субъекта к самому себе – т.е. реципиент, получив сильное художественное переживание, тем самым, лишь утверждает в своей субъективной самоидентификации, «остается самим собой», никаких принципиальных изменений с ним не происходит. Наоборот, все пережитое благодаря произведению лишь отбросило от него чуждые ему мысли и чувства и утвердило его в своей субъективной правоте. Тем самым, здесь произведение сыграло роль своего рода культа того человеческого «Я», которое с ним встретилось и благодаря этой встрече стало еще более непроницаемым для посторонних влияний, самоуверенным и самоидентифицированным. Именно этот эффект, по-видимому, и ожидают большинство читателей литературных произведений: с одной стороны, ценя переживания от его чтения как нечто самоценное, с другой – в конечном итоге ожидая «подтверждения своей правоты». И наоборот, произведения, оставляющее чувство «утраты почвы под ногами», ставящие под вопрос само мировоззрение читателя, внутренние опоры его субъективности, у большинства читателей вызывают отторжение, неприятие и даже страх. Именно эта реакция чаще всего вызывает негативную оценку произведения, а не его художественные качества как таковые.

²⁵ Там же. С. 212.

Но существует и другой тип произведений, и другой тип читателей, которые ожидают от произведения последнего эффекта. Эти читатели находятся в мировоззренческом и духовном поиске, в состоянии особой экзистенциальной тревоги и спонтанной трансформации собственной субъективности. Соответственно, их поиск направлен на произведения, которые соответствуют именно такому внутреннему состоянию. Они ищут произведения, которые бы могли удовлетворить именно эту их внутреннюю жажду саморазвития и самотрансформации. Эти произведения могут, во-первых, ускорить и интенсифицировать этот процесс, а во-вторых, придать ему определенную конкретную направленность. При восприятии таких произведений катарсис «работает» в ином направлении: он не «отбрасывает» как *пережитое* все чуждое субъекту, укрепляя его в самоидентификации; но наоборот, заставляет трансформироваться сам субъект посредством усвоения ранее чуждых ему смыслов и жизненных содержаний, и отбрасывания как отжитого того, что ранее было для него «своим» и привычным. Этот второй тип катарсиса – катарсис самотрансформации субъекта – встречается реже, чем первый тип, но является намного более ценным с экзистенциальной и культурной точек зрения, поскольку изначально соответствует базовой структуре культуротворческого усилия, которое состоит в само-преодолении субъекта в его движении к бытийному Идеалу и открытости Другому.

Соответственно, тип произведений, в которых художественными средствами «закодирован» *трансформативный катарсис*, также требует своей особой теоретической спецификации. То, что происходит с читателем при адекватном содержательном восприятии и переживании таких произведений, является аналогом обряда «инициации», имевшего место во всех архаических обществах (от лат. *initiatio* – посвящение). Как известно, в этих обрядах человек в юношеском возрасте проходил ряд тяжелых испытаний, к которым готовился заранее, после которых официально принимался в

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

число взрослых членов сообщества. В процессе обряда инициации происходила трансформация сознания человека не только посредством сильных переживаний, но и путем сообщения ему тайных эзотерических знаний. Все это приводило к трансформации личности во взрослое состояние. В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе, и художественная литература. Как общекультурный символ «инициация» обозначает особый экзистенциальный опыт символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Символическое прохождение через смерть, духовная инициация, символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, радикально трансформируя его личность.

П. Адо конкретизировал свою концепцию философии как «духовного упражнения» и интеллектуального аналога «инициации» в определении специфики философского мышления через понятие *конверсии* («обращения»). По его определению, «философия всегда сама оставалась главным образом актом конверсии. Можно проследить формы, в которые облакался этот акт на протяжении всей истории философии... Во всех этих формах философское обращение есть вырывание и разрыв по отношению к повседневному, знакомому, ложно-естественной установке здравого смысла; оно есть возврат к первоначальному и к первоисточнику, к подлинному, к внутренности, к сущностному; оно есть абсолютное новое начало, новая исходная точка, преобразующая прошлое и будущее... В каком бы аспекте она ни представала, философская конверсия есть доступ к внутренней свободе, к новому восприятию мира, к подлинному существованию»²⁶.

²⁶ Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб., 2005. С. 210–211.

Исходя из этого определения, биография, написанная философом с философскими целями (т.е. с пониманием индивидуальной судьбы как такой, которая являет собой особый образ определенных универсальных истин) – такая биография является совершенно естественным и закономерным выражением общей «конверсивной» функции философии. Более того, в этом жанре данная функция специально акцентирована в форме личностного образа и его диалогической обращенности к читателю. *Философская биография, реконструируя микрокосм человеческой судьбы как усилия свершения и «второго рождения», осуществляет «инициационную» сущность культуры.*

При этом, однако, такая обращенность – это совсем не обязательно позитивная обращенность; последняя может быть также и предостережением, образцом отрицательного опыта, которого следует избегать. Примером этого является биография Вольтера Т. Карлейля, в которой он пишет: «его любовь к истине не та глубокая, бесконечная любовь, свойственная философу, которой почти каждый век был свидетелем и которой его собственная эпоха могла представить не мало примеров. Его любовь, мы должны заметить была гораздо ниже любви бедного Жан-Жака, этого полупомешанного мудреца, – она скорее походила на умный расчет, чем на страсть... если мы рассмотрим преобладающий мотив в деятельности Вольтера, то заметим, что в основе он был довольно вульгарен, – честолюбие, желание господствовать над людьми, вот средства, которые были в его распоряжении. Он признает только одно божество – это общественное мнение»²⁷.

Другой аспект отрицательного опыта Т. Карлейль формулирует в своем эссе о Дидро: «Все, чего он не мог обсудить, чего, так сказать, он не мог измерить и взвесить, унести с собой, съесть и насладиться им, то для него как бы не существовало. Он целую жизнь прожил в “тонкой коре со-

²⁷ Карлейль Т. Герои, почитание героев и героическое в истории. М.: Эксмо, 2008. С. 382.

Виталий Юрьевич ДАРЕНСКИЙ / Vitaliy DARENSKIY

| Биография как философский жанр: поэтика микрокосма / Biography as a Literary Form of Philosophizing |

знательного». Громадная, неизмеримая область бессознательного, в которой заключается первое и от которого оно получает значение, была для него чужда в какой бы то ни было форме. Поэтому святая человечества была постоянно закрыта для этого человека. Где руке его нечего было ощупать, там кончался для него мир... Веру во всех ее известных формах и значении он искоренил в себе с таким усердием, которое не под силу ни одному человеку»²⁸.

Обоих случаях Т. Карлейль, в равной степени показывая и достижения, и негативный опыт этих писателей, мыслителей и идеологов, акцентирует особые экстремумы их опыта, которые могут быть ценным уроком для всего человечества. И наиболее ценным он показывает именно их негативный урок.

В качестве обобщающих выводов можно выделить следующие. 1) Жанр биографии как литературная форма философствования является синтезом теоретического, художественного и исторического мышления, целью которой является

концентрированная передача целостного культурного опыта в его личностной форме. 2) Этот жанр реализует персонологический метод, суть которого состоит в рассмотрении различных сфер традиционной философской рефлексии через «призму» личности конкретного человека. Концептуализация бытия выстраивается не по модели макрокосма, а по модели микрокосма. 3) Теоретическим концептом такой модели является не универсалия, а уникалия – особый способ концептуализации личностного видения мира. 4) Уникалии представляют собой образы жизненных миров личностей, построенные с помощью теоретических и художественных средств таким образом, чтобы в максимальной степени актуализировать личностную рефлексия читателя. 5) Экзистенциальное воздействие философской биографии на читателя в целом соответствует культурной модели «инициации» – «второго рождения», то есть является мощным стимулом трансформации его внутреннего мира, развития смысложизненного горизонта и нравственных качеств личности.

²⁸ Там же. С. 460.

